

ПАРАЛИЧНОСТЬ

PSYCHOLOGICAL NOVEL

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Е. Панков

Параличность

<https://litres.ru/74435697>

SelfPub; 2026

Аннотация

3:47 ночи. Тело — бетон. В углу — тень.

Обычная панелька. Автобус по пробкам, дешёвая еда на ужин, работа, от которой не спрятаться. И каждую ночь — сонный паралич. Тёма просыпается и видит в углу плотную, почти живую тень. Врачи говорят — галлюцинации. Но тень двигает вещи, оставляет следы на стенах и с каждым разом становится ближе.

Тёма идёт к психологу и начинает понимать: тень — не враг. Это та часть его личности, которую он вытеснил, когда стало слишком тяжело. И если он не признает её, его дом — буквально и метафорически — начнёт трещать по швам.

Это не роман ужасов. Это честная история о депрессии, одиночестве и попытке собрать себя заново. Для тех, кто знает: тень в углу — это не монстр. Это ты. Тот, кого ты забыл.

Содержание

Глава 1. "3:47"	4
Глава 2. «Совещание»	19
Глава 3. «Чужой в моём доме»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Параличность

Глава 1. "3:47"

Квартира моя — хуйня, если честно. Не в том смысле, что плохая. В том смысле, что её как бы нет. Однушка на девятом этаже панельки в самом ебучем конце улицы Восточно-Круговой, откуда до центра — сорок минут на автобусе, который ходит когда захочет, а захочет он редко. Дом старый, года две тысячи четвёртого, когда строили — сэкономили на всём, включая совесть прораба. Стены тонкие, слышно, как сосед за стеной сморкается. Или дрочит. Или плачет. Я не разбираю. Это всё звучит одинаково через эти стены.

Но мне нравится.

Мне нравится, что квартира маленькая и тупая, и в ней некуда деть вещи, которых у меня всё равно нет. Мне нравится, что входная дверь открывается с таким звуком, будто ей больно. Что в коридоре лампочка на сорок ватт, и света хватает только на то, чтобы понять — ты дома, а не в каком-то другом месте, где хуже. Что от противоположного дома — три метра, и в окно напротив можно смотреть, как кто-то другой тоже не спит, тоже сидит на кухне, тоже пьёт не потому что хочет, а потому что иначе руки девать некуда.

Квартира как я. Обшарпанная, уставшая и не пытается казаться лучше, чем есть.

Вечер вторника. Возвращаюсь с работы в восемь — не потому, что задержался, а потому что автобус трясся по пробкам, как больной зуб по челюсти. Погода — сентябрь, Краснодар, то есть ад с влажностью. Пот стекает по спине, рубашка прилипла, куртка через руку — как мокрый труп. В подъезде пахнет мочой и хлоркой, как в каждой второй поликлинике страны. Лифт работает. Удивлён. Захожу, нажимаю девятый. Лифт едет, стонет, но едет. У меня всё.

Дверь. Ключ. Замок хрипит. Вхожу.

Коридор — три метра в длину, метр в ширину. Справа — шкаф, дверца которого не закрывается до конца, потому что я запихнул туда три Дианиных футболки и её зимнюю куртку, которые она забыла, а я не выбросил. Не потому, что помню. Потому что забыл. Забыл выбросить — как всё остальное. Налево — ванная. Прямо — кухня.

Часы на стене. Кварцевые, круглые, белые. Отстают на семь минут. Я не перевожу. Зачем. Время всё равно идёт, подстраивается. Если часы показывают 20:14, а на самом деле 20:21 — значит, в этой квартире сейчас 20:14, и пусть остальной мир подождёт.

Часы на стене. Кварцевые, круглые, белые. Отстают на семь минут. Я не перевожу. Зачем. Время всё равно идёт, подстраивается. Если часы показывают 20:14, а на самом деле 20:21 — значит, в этой квартире сейчас 20:14, и пусть остальной мир подождёт.

Наручные часы — отдельная история. Диана подарила их на какой-то праздник. Или не на праздник. Просто так. Они тоже отстают. Тоже на семь минут. Я не перевожу и их. Я вообще перестал переводить время. Как будто если оно отстаёт — значит, можно не спешить. Можно не догонять. Можно быть в своей квартире, в своём времени, со своими семью минутами, которые никому не нужны.

Наручные часы — отдельная история. Диана подарила их на какой-то праздник. Или не на праздник. Просто так. Они тоже отстают. Тоже на семь минут. Я не перевожу и их. Я вообще перестал переводить время. Как будто если оно отстаёт — значит, можно не спешить. Можно не догонять. Можно быть в своей квартире, в своём времени, со своими семью минутами, которые никому не нужны.

Кухня четыре на три. Метров. Не шагов — метров, потому что шагов тут три с половиной, и то если ты не в тапках. Холодильник — «Индезит», купленный б/у с рук у мужика с Авито, который сказал «работает как новый» и не соврал — он действительно работает. Гудит, как астматик после третьего этажа, но работает. Внутри — три бутылки «Балтики», упаковка доширака «с говядиной» (говядина — это назва-

ние, не ингредиент), засохший сыр, баночка горчицы открытая неизвестно когда и йогурт. Срок годности йогурта — я не смотрел. Я не смотрю на сроки. Если еда не шевелится — можно есть.

На столе — недопитое утреннее кофе в кружке с надписью «Лучший начальник мира». Диана подарила. Ирония в том, что это была ирония, а я ношу её без иронии, потому что мне плевать. Кружка как кружка. Пепельница — стеклянная, тяжёлая, подаренная коллегой Алиной на день рождения. Сказала: «Чтобы ты хотя бы красиво травил себя». Полная окурков до фильтра. Я всегда докуриваю до фильтра. Уплачено за каждую затяжку — зачем дарить табак воздуху.

Стена напротив стола — обои. Светло-серые. Или были. Сейчас — серые. Или темнее. Не могу сказать. Я не помню, когда они были светло-серыми. Может, когда Диана клеила. Нет, не клеила. Мы клеили вместе, и она орала, что я криво режу, а я говорил, что стены кривые, и она говорила «тогда выравнивай», а я говорил «тогда найми», и она замолкала, и мы молча доклеили криво, и обои пошли пузырями, и мы решили, что это «характер», и теперь характер потемнел.

Сажусь на кухне. Снимаю ботинки — не развязываю, просто выдавливаю ногу, как из гипса. Включаю чайник. «Телефаль», семь лет службы, нагревает воду с таким энтузиаз-

мом, которого мне не хватает ни на что. Пока греется — открываю холодильник, достаю доширак. Заливаю кипятком. Накрываю Дианиной тарелкой — белой, с синим ободком, от сервиза, от которого осталась одна тарелка, потому что я остальное побил, а Диана забрала то, что уцелело. Получается — тарелка-то моя. Нет. Не моя. Её. Но в моём доме.

Ем. Доширак на вкус — как доширак. Не плохо, не хорошо. Просто тепло. Тепло — единственное, что мне нужно от еды. Не вкус, не питательность. Чтобы было тепло внутри, потому что снаружи — нет.

Допиваю пиво. Второе. Третье оставляю на завтра. Или не оставляю. Открываю третье. Пью. Пиво тёплое. Я знал. Мне плевать. Холодильник гудит. Часы тикают, отставая на семь минут от мира, который и так спешит непонятно куда.

Мыться. Ванная — два на полтора. Кафель белый, или был. Сейчас — с жёлтыми подтёками у стыка с потолком — соседи сверху затапливали три раза. И каждый раз я верил, что починят. Раковина, унитаз, стиральная машина «Кэнди», которая стирает так, будто внутри кто-то бьётся. Ванна. Не душ — ванна. Сидеть в горячей воде и смотреть в потолок, на котором пятно в форме то ли Италии, то ли сердца — зависит от того, насколько мне хуёво. Сейчас — Италия. Значит, не так уж хуёво. Горячая вода. Пена — нет, я мужик.

Просто вода. Почти обжигающая. Пока не остынет. Потом — ещё. Пока кожа не становится красной, как после драки, которой не было

Вытираюсь. Полотенце — жёсткое, сушёное на батарее, трёт кожу, как наждак. Нравится. Чувствую — тело ещё здесь.

Телек. В комнате — не спальня, а комната, потому что «спальня» — это когда есть кровать. У меня — диван-кровать. Раскладушка. Не разобранный уже полгода. Сначала, потому что Диана спала со мной, и мы не разбирали, потому что разбирать — это признать, что кто-то приходит и уходит. Потом — потому что Диана ушла, и разбирать — это признать, что больше никто не приходит. Так и спим — я и диван. На полу.

Нет, на матрасе. Матрас на полу. Потому что диван раскладывать — лишнее движение. Матрас на полу — это честно. Никаких претензий. Пол — это пол. Я — это я. Между нами — матрас.

Телек — «Самсунг», тридцать два дюйма, на тумбе. Включаю. Первый канал. Новости. Ведущий говорит что-то про экономику. Я не слышу. Я слышу — гудение. Голос — как гул. Слова — как вода. Текут, и всё. Потом — какой-то

сериал. Не знаю какой. Люди ходят, говорят, спят, едят, любят, ненавидят. Как я, только в красивой одежде и с нормальным освещением.

Лежу на матрасе. Пульт рядом. Звук на шесть. Не слышно и не тихо. Нормально. Как всё в этой квартире.

Думать. Начинаю думать. Не потому что хочу — потому что тело уже не занято, и мозг заполняет пустоту, как вода заполняет дыру.

Думаю про работу. Виктор Сергеевич завтра совещание в восемь. Восемь утра. Это значит — встать в шесть тридцать. Это значит — лечь в двенадцать. Это значит — шесть с половиной часов сна. Это если уснуть сразу. Я не усну сразу.

Думаю про Диану. Не — думаю. Скорее — мерцает. Образ. Не лицо — силуэт. Она стояла в дверях с сумкой, и свет из коридора падал ей на спину, и я видел только контур, и контур сказал: «Ты даже не спишь нормально, Тёма. Какой от тебя толк?» И вышел. И дверь закрылась. И замок хрипнул. И квартира стала — моя. Или — ничья.

Думаю про деньги. На карте — десятка. Тысяч десять. До зарплаты ещё неделя. На пиво. На сигареты. На доширак. И всё.

Думаю про сон. Вернее — про его отсутствие. Последний месяц я сплю плохо. Не плохо — хуже. Три, четыре часа. Просыпаюсь. Лежу. Снова засыпаю. Снова просыпаюсь. И так — до будильника. Но это — ещё норм. Это — просто бессонница. Она — знакомая. Она — как сосед за стеной. бесит, но привычный.

А потом — три недели назад — началось это.

Сонный паралич.

Я не знал, как это называется, пока не загуглил. До этого — просто думал, что схожу с ума. Что тень в углу — это галлюцинация. Что невозможность пошевелиться — это сон. Что сипение вместо крика — это сон. Что всё — сон.

А потом загуглил и прочитал: сонный паралич — состояние при засыпании или пробуждении, когда сознание возвращается, а мышечный тонус ещё не восстановился. Происходит на границе REM-фазы и бодрствования. Мозг уже «включён», но тело ещё «выключено». В норме мозг отключает тело во время сна, чтобы мы не дёргались, видя сны. При параличе — отключает, но забывает включить обратно.

Спасибо, мозг. Очень полезная функция. Ты хотя бы не один такой — вся моя квартира работает так же: холодиль-

ник гудит, а толку ноль. Свет горит, а жить не хочется. Я встаю, иду на работу, а внутри — пустота. Включаюсь, но не работаю.

Я думал: «Это пройдёт». Пил валерьянку. Давился, но пил. Бесполезно.

Телек работает. Голоса — гул. Свет — голубой, мерцающий. Глаза закрываются. Открываются. Закрываются. Думаю — про работу, про Диану, про деньги, про автобус, про Виктора Сергеевича, про его лицо, которое выглядит как колено, про пепельницу, про окурки, про йогурт, срок которого я не знаю, про обои, которые потемнели, про часы, которые отстают, про воду в ванной, которая остыла, про пиво, которое тёплое, про —

Закрываю глаза.

3:47.

Не помню, когда уснул. Не помню — как. Не помню — что было на телеке. Помню — что лежал. А теперь — не могу.

Не могу пошевелиться. Ни рукой, ни ногой, ни пальцем. Ни одним мускулом. Тело — бетон. Залитый, застывший, тяжёлый. Не чужой — мой. Но — не мой. Как будто я в нём,

но не у руля. Как будто я — пассажир в собственном теле, а кто-то другой — за рулём, и он не знает, как вести.

Глаза — открыты. Это первое, что я понимаю. Глаза открыты, и я вижу. Вижу — потолок. Белый. Вижу — тумбу. Телек — выключился, или я выключил, или он сам. Экран — чёрный. Вижу — комнату. Матрас. Пульт. Окурки в пепельнице на тумбе. Всё — как было. Всё — на месте.

Нет.

Не всё.

Угол.

Угол комнаты, слева от шкафа. Там, где обои сходятся — нет, не сходятся. Где они не сходятся, где щель, где тень от шкафа падает на стену — там.

Тень.

Не — тень от шкафа. Не — тень от фонаря. Не — тень от чего бы то ни было. Тень, которая не от чего бы то ни было. Тень — сама по себе. Плотная. Густая. Как будто свет — обходит её. Как будто свет — боится. Как будто свет — знает, что туда не надо.

Она — в углу. Но — не в углу. Она — есть угол. Она — занимает пространство, как вещь. Как тело. Как — кто-то, кто стоит. Стоит и — не двигается. Но — двигается. Не перемещается — двигается. Внутри себя. Как будто в ней — что-то ворочается. Не форма — содержание. Что-то — внутри тени. Что-то — живое.

Я хочу крикнуть. Хочу — блять, хочу крикнуть. Рот — закрыт. Открываю — не открывается. Губы — шевелятся. Нет — пытаются шевелиться. Из горла — звук. Не крик. Не слово. Сипение. Как из радиоприёмника, который ловит пустоту. Как из человека, который забыл, как разговаривать. Сипение — выходит. И — не выходит. Как будто и звук — парализован.

Тень — двигается. Больше. Становится — больше. Не растёт — приближается. Или — и то, и другое. Она ближе. И — больше. И — плотнее. Давление. На грудь. Не физическое — наличие. Как будто кто-то положил ладонь — нет, не ладонь. Присутствие. На грудь. И — держит. Не давит — держит. Как будто — не даёт. Не даёт — встать. Не даёт — проснуться.

Я не могу проснуться.

Я не могу проснуться.

Четыре минуты. Я потом — посмотрю на часы. Четыре минуты — между 3:47 и 3:51. Четыре минуты, которые — как четыре года. Которые — как четыре секунды. Которые — не имеют длительности. В которых — нет времени. Есть только — тень. И — я. И — не могу.

Потом — отпускает. Не постепенно — сразу. Как будто — выключили. Как будто — кто-то выключил. Тень — уходит. Не исчезает — уходит. Отступает. В угол. В щель. В обои. В стену. В — ничего. И — нет.

И — тело — моё. Палец — шевелится. Рука — шевелится. Я — сажусь. Сердце — как у марафонца, который прибежал и не понимает, зачем. Дыхание — ртом. Глубоко. Часто. Пот — на спине, на лбу, на груди. Простыня — мокрая. Как будто я — спал в воде. Или — не спал.

Часы. 3:51. Телек — чёрный. Экран. Выключился. Или — нет. Не знаю. Всё — как было. И — не как было. И — тени — нет. Только — угол. Обычный угол. Шкаф. Обои. Застоялый запах говяжьего доширака.

Встаю. Ноги — ватные. Иду — на кухню. Не — на кухню. К балкону. Сначала — кухня. Достать сигареты. Пачка

«Винстон» — на столе, рядом с пепельницей. Трясущимися руками — нет, не трясущимися, мокрыми — открываю. Достая одну. Зажигалка. Щёлк. Огонь. Дым. Вдох. О.

Кашель. Потом — нормально. Сажусь на табуретку. Кухня. Свет — не включаю. Не нужно. Свет от фонаря с улицы — хватает. Холодильник гудит. Часы тикают. Отстают. Сейчас — 3:53. На часах — 3:46. Близко. Почти — попали.

Выхожу на балкон. Балкон — два метра в длину, полметра в ширину. Застеклён. Стекло — грязное. Не мыл. Не мыл — с весны. Или с зимы. Не помню. На подоконнике — банка из-под чего-то, в которой — окурки. Достая сигарету. Закуриваю. Вторую. За пять минут.

Город — спит. Почти. Фонарь под окном — мигает. Включается, выключается, включается. Как будто тоже не может — решить. Спать или нет. Я — понимаю. Низкие панельки — тёмные. Окна — чёрные, редкие — жёлтые. Где-то — тоже не спят. Где-то — тоже — сидят. Тоже — курят. Тоже — не могут.

Докуриваю. До фильтра. Ладонь — окурки в банку. Стою. Смотрю. Воздух — прохладный, сентябрь. Влажный. Запах — мокрый асфальт, запах — чьей-то еды из окна третьего этажа, запах — усталости. Моей.

Возвращаюсь. Ложусь. Не — ложусь. Сажусь. На матрас. Смотрю в угол. Пусто. Шкаф. Обои. Нет — ничего. Не — ничего. Ничего. Ничего — не было. Был — сон. Паралич. Мозг забыл включить тело. Тень — галлюцинация. Гипнопомпическая, или гипнагогическая, или как там — не помню. Я гуглил. Я знаю. Я знаю, что это — не реально. Что тень — не тень. Что давление — не давление. Что всё — мозг. Химия. Электричество. Сбой в системе.

Я знаю.

Но — 3:47 — было. И — четыре минуты — были. И — оно — было. И — я — не могу — проснуться.

Не — не могу. Не мог. Сейчас — могу. Сейчас — проснулся. Сейчас — сижу. В нормальной квартире, в нормальном мире, с нормальными часами, которые отстают на семь минут, и нормальным холодильником, который гудит, и нормальным пультом, который лежит — на тумбе. На тумбе.

На тумбе.

Я оставил пульт на столе. На кухне. Я точно оставил его на столе. После ужина. Пульт — от телека — на кухонном столе. Я — помню. Потому что — после доширака — вклю-

чил новости, потом — переключил, потом — лёг, и пульт — остался на столе. Я — помню.

Пульт — на тумбе. Рядом с пепельницей.

Я — не трогал.

Глава 2. «Совещание»

Совещание в восемь. Я знал. Я помнил. Я помнил, пока стоял в автобусе и держался за поручень, который был мокрым от чьей-то ладони, и думал: «Чья это ладонь? Как она жила? Куда держалась?»

Восемь. Виктор Сергеевич. Кабинет. Стекланный, как аквариум. Рыба в нём одна, и она давно плавает по кругу, не замечая, что аквариум треснул.

Виктор Сергеевич — не плохой человек. Плохой — это когда есть выбор. Виктор Сергеевич — мелкий. Мелкий, как табуретка, на которую он взбирается каждый раз, когда ему нужно почувствовать себя высоким. Он не злой — он испуганный. Испуганный человек, который нашёл единственный способ не бояться — бояться кого-то. И этим кем-то был я.

— Артём, — говорит он. Голос — как наждачная бумага по стеклу. — Вовлечённость по проекту «Кубань-Тур» — четыре процента. Четыре. Я не знаю, как ты это делаешь.

Он продолжает. Я киваю. Ритмично. Голова вниз — вверх. Вниз — он видит, что я слушаю. Вверх — он видит,

что я живой. Этого достаточно.

Совещание длится сорок минут. Сорок минут — это десять сигарет, если курить одну за другой. Или пятнадцать, если не затягиваться. Я считаю не минуты, сигареты. Это помогает.

Рядом — Алина. Единственный человек в этом офисе, который не смотрит на меня как на мебель.

— Ты живой? — шепчет она.

— Нет. Я призрак. Пришёл отомстить за невыплаченный бонус.

— Серьёзно. Ты выглядишь...

— Тёма.

— Алина.

— Иди к врачу.

— Я хожу.

— К настоящему врачу.

— У него кабинет. И кресло. И лампа.

— И диплом?

Я молчу. Потому что не знаю. Может, есть. Может, нет. Я никогда не ходил к психологу. Я не знаю, как это работает. Мне страшно.

— Вот именно, — говорит Алина.

Совещание кончилось. Я сижу за столом. Экран. «Бриф на проект „Кубань-Тур“ — дедлайн пятница». Сегодня — среда. Два дня. На проект, которому нужна неделя. Или никогда.

Печатаю. Слышу только кулер. Булькает, как мой холодильник.

Алина подходит. Ставит кружку. Обычную, с логотипом компании.

— Выпей. И иди к врачу. Леонид Аркадьевич. У моей подруги было то же самое. Он помог.

— Ты веришь в тени?

— Я верю в кофе. Пей.

Она смотрит на меня так, будто видит человека. Я не знаю, почему она ко мне так относится. Может, у неё самой было что-то похожее. Я не спрашиваю.

Пью. Горячо. Горько.

День. Вторая половина. Текст — выходит. Не хороший, не плохой — выходит.

Виктор Сергеевич кладёт на стол жёлтый стикер. «Перенести дедлайн на четверг». Завтра.

Я смотрю на жёлтый листок. Квадратный. Маленький. Жёлтый. Как маленький, квадратный, жёлтый пошёл нахуй.

Поднимаю голову. Виктор Сергеевич уже в своём аквариуме. Смотрит в монитор.

Я отрываю стикер. Кладу в карман. Ноги — ватные. Как будто кто-то вытащил часть набивки.

Алина уходит в шесть.

— Тёма. Леонид Аркадьевич. Кабинет 406. Бизнес-центр «Меридиан». Красная, сто двадцать восемь. Запишись.

— Ладно.

— Обещай.

— Обещаю.

Она уходит. Офис пустеет. Экран — мигает. «Бриф на проект „Кубань-Тур“. Дедлайн — четверг».

Четверг — это завтра.

Домой. Автобус. 39-й. Влажность — не знаю. Воздух — суп. Дышу ртом.

Дверь. Ключ. Хрип.

Вхожу. Коридор. Шкаф — дверца приоткрыта. Я закрыл её утром. Или нет.

Кухня. Включаю свет. Лампочка — сорок ватт. Жёлтая.

Холодильник — гудит. Доширак. Пиво. Сыр. Йогурт. Беру доширак. Заливаю. Смотрю на стену. Обои. Серые. Мы

клеили их вместе с Дианой. Тогда они были светлыми. Теперь — нет. Как и всё.

Ем. Только тепло. Пью пиво. Тёплое. Всё на одном уровне. Доширак, пиво, работа, Диана, тень, 3:47, пульт — всё одинаковой густоты.

Допиваю. Достаю второе. Темно. Свет от фонаря — из окна. Мигает.

— Решай уже, — говорю фонарю. — Хуй ты или нет.

Фонарь — горит ровно.

Закуриваю. На кухне. Дым в потолок.

Думаю. Про Алину. Про Леонида Аркадьевича. «У моей подруги было то же самое. Он помог». Что — помог? Убрал тень? Или просто посидел рядом? С лампой. Без диплома.

Хочу пойти. Не потому что верю. Потому что надо что-то делать.

Душ. Ванна. Горячая вода. Смотрю в потолок. Сердце. Значит — хуже, чем утром. Это моя шкала.

Вытираюсь. Полотенце — жёсткое. Хорошо.

Комната. Матрас. Телек. Включаю. Голос — гул. Слова — вода.

Пульт — на тумбе. Я положил его на стол. После ужина. Я помню. Или нет. Недосып.

Глаза — закрываются. Думаю про работу. Про дедлайн. Про 3:47. Про тень.

Нет. Лучше спать. Лучше тень. Чем вся жизнь без сна.

Глаза закрываются.

Думаю про Леонида Аркадьевича. Завтра. Или когда-нибудь. Позвоню. Расскажу. Про тень. Про пульт. Про Диану. Он послушает.

Глаза тяжелее. Мысли медленнее.

Телек — гудит.

Холодильник — гудит.

Часы — тикают.

Тикают.

.

.

.

Пульт на тумбе. Я положил его на стол. Но он — на тумбе.

Не важно.

Спать.

.

.

.

3:47.

А в квартире, в углу, кто-то другой не спал. Я не спал. Я ждал. Я знал, что 3:47 — это только начало. Я — Тень. Я —

то, что он забыл.

Глава 3. «Чужой в моём доме»

Я просыпаюсь.

Не так, как просыпаются люди — резко, с мыслью «опять этот день», с тяжестью в груди и желанием натянуть одеяло на голову. Я просыпаюсь, как будто меня вытолкнуло. Как будто кто-то нажал кнопку «старт», и я просто — есть. Без разгона. Без подготовки. Сразу — здесь.

И первое, что я понимаю: это не мой дом.

Нет. Это мой дом. Я знаю эти стены. Я помню, как они были светлее, когда я только сюда пришёл. Или не пришёл — а просто стал. Помню, как трогал их пальцами, и они были тёплые, как будто внутри них — ток. Сейчас они чуть холоднее. На градус. Не больше. Но я замечаю. Я всё замечаю.

Кухня. Та же кухня. Стол. Стул. Холодильник. Он гудит. Я не люблю этот звук. Он слишком громкий. Слишком настойчивый. Как будто холодильник хочет мне что-то сказать, но не знает, как.

Открываю дверцу. Внутри — странные вещи. В обёртках.

С буквами. Буквы — не мои. Я не знаю этих букв. Они складываются в слова, которые мне ничего не говорят. «Доширак». Что это? Еда? Наверное. Но запах — резкий. Кислый. Не мой. В моём доме нет такого запаха. В моём доме пахнет... ничем. Или — теплом. Или — тишиной. А тут — запах, который лезет в нос и не хочет уходить.

Закрываю дверцу. Холодильник щёлкает. Этот щелчок — как удар. Слишком громкий. Слишком точный. Как будто он специально.

Прохожу в комнату.

Там — он.

Он. Спит. На моей кровати. Рот приоткрыт. Дышит. Громко. Как будто специально, чтобы я его слышал. Как будто хочет, чтобы я знал: «Я здесь. Это моё».

Но это не его. Это моё.

Я стою в дверях. Смотрю. Не двигаюсь. Не потому что боюсь. Потому что не понимаю. Как он сюда попал? Как он лёг на мою кровать? Кто ему разрешил?

Подхожу ближе. Осторожно. Как будто пол может трес-

нута под ногой. Как будто любое движение — слишком много. Слишком громко. Слишком... неправильно.

Тяну руку. Хочу тронуть его плечо. Просто — тронуть. Чтобы он понял: «Эй. Ты не здесь. Ты не в моём доме».

Рука проходит. Не сквозь — мимо. Не хватает. Как будто между мной и ним — расстояние, которого нет. Как будто я тянусь, а воздух становится густым, как сироп, и не пускает.

— Эй, — говорю. Голос звучит странно. Не как мой. Как будто слова падают и разбиваются о пол. — Проснись.

Он не слышит. Даже не вздрагивает. Только дышит. Громко. Слишком громко.

Сажусь на пол. Рядом с кроватью. Смотрю на него. Он спит. Спокойно. Как будто так и надо. Как будто это нормально — спать в чужом доме. Как будто можно просто прийти, лечь и сказать: «Это моё».

А я — чужой.

В своём собственном доме.

Трогаю стену. Пальцы скользят по обоям. Обои шерша-

вые. Не такие, как раньше. Раньше они были гладкие. Или мне казалось? Может, я просто забыл. Может, я всё забыл. Может, это не мой дом, а я просто придумал, что он мой.

Эта мысль — как холод. Проходит по спине. Останавливается где-то под рёбрами.

Нет. Это мой дом. Я его чувствую. Чувствую, как он дышит. Чувствую, как стены держат тепло. Чувствую, как пол помнит мои шаги. Это мой дом. А он — чужой.

Встаю. Хожу по комнате. Проверяю. Шкаф — на месте. Тумба — на месте. Часы на стене — идут. Но отстают. На семь минут. Я не понимаю, как часы могут отставать. Часы должны идти правильно. Должны. Иначе — всё неправильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.